

Бердников Г.

А. П. Чехов. – М.: Молодая гвардия, 1978. – С. 349 - 355

«Ариадна» – это, пожалуй, единственное произведение писателя, в котором образ рассказчика сближен с автором. Он встречается с Шамохиным на пароходе, направляясь из Одессы через Севастополь в Ялту. Этим путем возвращается и Чехов из своей зарубежной поездки 1894 года. Потом они видятся в Ялте, где Антон Павлович бывал не один раз. Рассказчик — известный писатель. Шамохин, который видит его впервые, заявляет, что знает его хорошо. И Ариадна, когда познакомилась с рассказчиком, тотчас же сочла необходимым поблагодарить его за то удовольствие, которое он доставляет ей своими сочинениями, хотя никогда его не читала.

Вместе с тем рассказчику, как и следовало ожидать, введена роль почти бессловесного наблюдателя. Лишь в одном случае, когда Шамохин говорит, что отсталость интеллигентной женщины, превращающейся в первобытную самку, угрожает человеческой культуре серьезной опасностью, рассказчик подает реплику, советуя не обобщать и по Ариадне не судить обо всех женщинах вообще. Примечательно при этом, что Чехов доверяет Шамохину немало своих мыслей. И это не только оценка модных буржуазных курортов, которая совпадает с чеховской. Несмотря на женоненавистнические тирады Шамохина, в его отношении к любви, к женщине много чеховского. Прежде всего это убеждение, что поэтизация любви, обуздание физического влечения есть благо, являющееся результатом вековой борьбы с природой, так что если человек одухотворяет любовь, то это так же естественно и необходимо, как и то, что его ушные раковины неподвижны, а тело не покрыто шерстью. «Правда, — говорит Шамохин, — поэтизируя любовь, мы предполагаем в тех, кого любим, достоинства, каких у них часто не бывает, ну, а это служит для нас источником постоянных ошибок и постоянных страданий. Но уж лучше, по- моему, пусть будет так, то есть лучше страдать, чем успокаивать себя на том, что женщина есть женщина, а мужчина есть мужчина». Столь же близки Чехову и мысли Шамохина о необходимости воспитывать женщин в духе полного равноправия с мужчинами.

Рассказчик, сближенный с автором, выступающий в роли молчаливого наблюдателя, герой рассказа, совсем не похожий на автора, но в чем-то близкий ему, попадающий в так хорошо знакомую Чехову ситуацию, — все это действительно очень похоже на попытку, глядя со стороны, разобраться в наболевшем, лично пережитом. Вчитываясь в рассказ, трудно увидеть и другие подтверждения этого предположения.

Характерной особенностью Ариадны, по мнению Шамохина, было ее лукавство. «Она хитрила, — говорит он, — постоянно, каждую минуту, по-видимому, без всякой надобности, а как бы по инстинкту, по тем же побуждениям, по каким воробей чирикает или таракан шевелит усами». У героини рассказа это ее свойство было подчинено тому неумемному стремлению к успеху, желанию покорять, правиться, быть в центре внимания, которое и дает основание считать ее прототипом Яворскую. Однако, когда она в письмах к Шамохину упрекала его, называла себя то брошенной, то покинутой, то забытой, будила надежды и звала к себе, то руководствовалась она не только расчетом. Сказывалось тут и основное свойство ее натуры — говорить не то, что есть на самом деле, неустанно играть избранную роль. И тут напрашивается аналогия уже с Ликой.

Можно уловить и другие подобные совпадения. Ариадна упрекала Шамохина в нерешительности и рассудочности, называла его размазней. «Мужчина, — говорила она, — должен увлекаться, безумствовать, делать ошибки, страдать!» Она звала его ехать с ней, а Шамохин не решался, советовал подождать, и это раздражало Ариадну, и она говорила ему: «Вы рассудительны, как старая баба». Но разве не в том же упрекала Лика Чехова?

И тогда, когда звала его приехать и помочь ей «прожигать жизнь», и тогда, когда предлагала поездку по Кавказу, да и во многих других случаях — и раньше и позже.

Шамохин говорит о себе, что он был «склонен больше к тихим, так сказать, идиллическим удовольствиям: любил ужение рыбы, вечерние прогулки, собирание грибов». Но ведь

это любимейшая форма отдыха и Чехова, А вот Лубков, увлекший Ариадну, любил иные, более привлекательные для нее развлечения. В воспоминаниях Марии Павловны запечатлена одна совместная прогулка Чеховых и Лики, во время которой собирали щавель, обильно произрастающий на окрестных лугах. Видимо, Лика не была мастером этого дела, и ей придумали особую роль — принимать пучки, которые собрали другие. Было весело, но кончилось все тем, что Лика рассердилась и бросила корзинку. Те же воспоминания рассказывают и о том, с каким удовольствием музицировала Лика и как на этой почве сблизилась она с Потапенко, который, как пишет Михаил Павлович, именно «в ту пору переживал самые красивые свои дни... пел, играл на скрипке, острил, и с ним действительно было весело».

Что же, в случае с Ариадной увлекли пикники, ракеты, охота с гончими, в другом — совместное музицирование. Но в одном и другом случае предпочтение было отдано более яркому, броскому.

Обращает на себя внимание еще одно место в исповеди Шамохина, пожалуй, наиболее интересное. Он говорит о холодности Ариадны, о том, что она лишь делала вид, что любит его. Даже тогда, когда она клялась ему в любви, он не мог поверить ей. Он говорит: «...я человек нервный, чуткий; когда меня любят, то я чувствую это даже на расстоянии, без уверений и клятв, тут же веяло на меня холодом; и когда она говорила мне о любви, то мне казалось, что я слышу пение металлического соловья. Ариадна сама чувствовала, что у нее не хватает пороку, ей было досадно, и я не раз видел, как она плакала. А то, можете себе представить, она вдруг обняла меня порывисто и поцеловала, — это произошло вечером, на берегу, — и я видел по глазам, что она меня не любит, а обняла просто из любопытства, чтобы испытать себя: что, мол, из этого выйдет. И мне сделалось страшно».

Что здесь от Яворской, что от Мизиновой, а что плод творческого воображения писателя? Вопрос этот был бы неразрешим, если бы не одно обстоятельство. Два человека, не сговариваясь, были абсолютно убеждены, что Чехов любил Лику, но не пользовался ее взаимностью. Прежде всего это Мария Павловна, которая рассказывает, что до того, как стали известны письма Мизиновой к брату, она была уверена, «что больше чувств было со стороны брата, чем Лики».

Письма Лики настолько смутили Марию Павловну, что она готова была в какой-то мере поступиться своими наблюдениями. Между тем они, эти письма, нуждаются в комментариях. Что же может быть важнее для их правильного понимания, чем живые наблюдения за отношениями Лики и Чехова? Ведь все происходило на глазах у Марии Павловны. В Мелихове Мизинова гостила не только часто, но подчас и подолгу. Да и в Москве они бывали в одной компании. И так начиная с их первого знакомства.

Еще одно свидетельство принадлежит Щепкиной-Куперник — человеку, как показывают ее воспоминания, очень наблюдательному и зоркому. Ее суждение еще более определено. Она считала, что «девушка, к которой у него (Чехова. — Г. Б.) было серьезное и глубокое чувство, плохо скрытое той вечной шутилой маской, которую он надевал всегда, не отвечала ему ничем, кроме дружбы...». В другой раз та же Щепкина-Куперник писала даже о том, что Чехов дважды делал Лике предложение, «но она питала к нему только дружбу». Безусловно, это уже легенда. Несомненно, кроме того, что Щепкина-Куперник также судила лишь на основании своих личных наблюдений. Но ведь возможностей для таких наблюдений у нее тоже было очень много. И в Москве, и в Мелихове. И, как видим, выводы из этих наблюдений аналогичны.

Посмотрим теперь, как рассказывает Шамохин о зарождении своей любви. «Она покорила меня в первый же день знакомства, — и не могло быть иначе. Первые впечатления были так властны, что я до сих пор не расстаюсь с иллюзиями, мне все еще хочется думать, что у природы, когда она творила эту девушку, был какой-то широкий, изумительный замысел. Голос Ариадны, ее шаги, шляпка и даже отпечатки ее ножек на песчаном берегу, где она удила пескарей, вызывали во мне радость, страстную жажду жизни. По прекрасному лицу и прекрасным формам я судил о душевной организации, и каждое слово Ариадны, каждая улыбка восхищали меня, подкупали и заставляли предполагать в ней возвышенную душу.

Она была ласкова, разговорчива, весела, проста в обращении, поэтично верила в бога, поэтично рассуждала о смерти, и в ее душевном складе было такое богатство оттенков, что даже своим недостаткам она могла придавать какие-то особенные, милые свойства».

Образ Ариадны все время двойся. В иных случаях он, безусловно, воспроизводит черты, близкие Яворской, но тут, в только что приведенных строках, слышится что-то совсем иное. Трудно отрешиться от впечатления, что строки эти навеяны уже Ликой, ранними, первыми впечатлениями от знакомства с Мизиновой.

Воспоминания Марии Павловны и Щепкиной-Куперник, исповедь Шамохина, будучи сопоставлены, приобретают чрезвычайный интерес. Вчитываясь после этого в шуточные письма Чехова начала девяностых годов, невольно задаешься вопросом: а не скрывалось ли все же за этим каскадом шуток и остроумие зарождение настоящего, большого чувства? И не была ли та оживленность, тот особый, приподнятый жизненный тонус, который пробивается в этих письмах, прямым выражением той влюбленности, которую по-своему переживал каждый из его героев этих лет?

Невольно приходится задуматься и над тем, как нелегко, видимо, дались Чехову романы Лики с Левитаном, а потом и с Потапенко. «Я ведь самолюбив очень» — это неоднократно заявлял сам Чехов. Нельзя не обратить внимания в связи с этим и на очень серьезное признание, которое промелькнуло в одном из писем Чехова 1896 года. «Если весной война, — пишет он Суворину 2 декабря 1896 года, — то я пойду. В последние 1, 5 - 2 года в моей личной жизни было столько всякого рода происшествий (на днях даже пожар был в доме), что мне ничего не остается, как ехать на войну, на манер Вронского — только, конечно, не сражаться, а лечить. Единственным светлым промежутком за эти 1, 5 -2 года было пребывание у Вас в Феодосии, а все остальное хоть брось, так скверно».

Что мог иметь в виду Чехов? Ну конечно, провал «Чайки» на сцене Александринского театра. Но он был

не 2 года тому назад, а всего лишь 17 октября того же года. Ухудшение здоровья? Вполне возможно. Но все же это никак не отнесешь к числу «событий». Печальные события, связанные со здоровьем, были еще впереди. Что же в таком случае? Хочешь не хочешь, а невольно приходится вспомнить именно о романе Лики и Потапенко. Кстати сказать, незадолго до этого Чехов должен был узнать о еще одном драматическом финале этого романа. 14 ноября 1896 года в Покровском от крупозного воспаления легких скончалась двухлетняя дочь Лики Христина.

«Ариадна» завершается комической сценкой. Рассказчик встречает радостного Шамохина, почувствовавшего возможность наконец-то освободиться от своего добровольного рабства. На горизонте появился давний жених Ариадны. Концовка фарсовая, казалось бы, уж вовсе неуместная в размышлениях о Лике и ее характере. Не забудем, однако, что речь все же идет не о Лике, а об Ариадне. А вот, во-вторых... Писал же Чехов Мизиновой в 1892 году: «Напрасно Вы думаете, что будете старой девой. Держу пари, что со временем из Вас выработается злая, крикливая и визгливая баба, которая будет давать деньги под проценты и рвать уши соседским мальчишкам. Несчастный титулярный советник в рыжем халатишке, который будет иметь честь называть Вас своею супругою, то и дело будет красть у Вас настойку и запивать ею горечь семейной жизни. Я часто воображаю, как две почтенные особы — Вы и Сафо — сидите за столиком и дуete настойку, вспоминая прошлое, а в соседней комнате около печки с робким и виноватым видом сидят и играют в шашки Ваш титулярный советник и еврейчик с большой лысиной, фамилии которого я не хочу называть».

Конечно, шутка, но такая шутка, по сравнению с которой фарсовая концовка «Ариадны» звучит настоящим комплиментом.

И опять о чеховских шутках. Говорила же Мария Павловна по поводу одной из них, уже известной нам: «И может быть, то, что он писал ей однажды в шутку, впоследствии оказалось сказанным всерьез: «В Вас, Лика, сидит большой крокодил, и, в сущности, я хорошо делаю, что слушаюсь здравого смысла, а не сердца, которое Вы укусили».

Мария Павловна высказывает эту мысль в форме предположения. Однако вряд ли она стала бы говорить на эту тему, если бы не опиралась на суждение о Лике самого писателя. Одно из таких суждений дошло и до нас. В 1897 году Мизинову осеняет новая идея. На этот раз она носится с мыслью открыть модную швейную мастерскую. 9 января 1898 года Чехов пишет сестре из Ниццы: «Что Лика и как ее мастерская? Она будет шипеть на своих мастериц, ведь у нее ужасный характер. И к тому же она очень любит зеленые и желтые ленты и громадные шляпы, а с такими пробелами во вкусе нельзя быть законодательницей мод и вкуса». А потом, сделав сноску, добавляет в конце письма: «Но я не против того, чтобы она открыла мастерскую. Ведь это труд, как бы ни было». Мастерскую Лика так и не открыла. Вместо этого в апреле 1898 года вновь уехала в Париж учиться пению.

«Ариадна» — это не только художественный анализ противоречивого женского характера, уяснение его своеобразной логики и определяющих начал. Это и его социальное осмысление. Покончив со своими женоненавистническими Филиппинами, Шамохин заканчивает свою исповедь размышлениями об общественном положении и воспитании женщин. Он говорит о том, что девочки и мальчики должны воспитываться и учиться вместе. «Надо воспитывать женщину так, чтобы она умела, подобно мужчине, сознавать свою неправоту, а то она, по ее мнению, всегда права. Внушайте девочке с пеленок, что мужчина прежде всего не кавалер и не жених, а ее ближний, равный ей во всем. Приучайте ее логически мыслить, обобщать и не уверяйте ее, что ее мозг весит меньше мужского...» И так далее. Нет сомнения, что эта заключительная часть исповеди Шамохина и есть чеховский ответ на загадку поразивших его странностей женского характера. Ответ вполне в духе просветительского, материалистического понимания женского вопроса, ответ, лишенный пессимизма, глубоко гуманный. Вот этот гуманистический подход и позволял Чехову быть бесстрашным и бескомпромиссным в художественном анализе самых сложных и трудных явлений. Таким же бескомпромиссным, каким он был по отношению к самому себе. Ведь это и позволило ему однажды почувствовать, что в жилах его течет уже «не рабская, а настоящая человеческая кровь».